

ISSN 0042-8744

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

3

1993

Теория и практика нелинейного письма

(взгляд сквозь призму "грамматологии" Ж. Деррида)

М.М. СУББОТИН

В разработанной Ж. Деррида концепции письма как категории самостоятельной и фундаментальной, а не служебной и вторичной, как это понималось до сих пор, идея нелинейного письма занимает важное место.

Линейность письма, как отмечал Ж. Деррида, — значительно более фундаментальная его категория, чем те, "которыми пользуются для классификации письменностей и описания их истории (пиктография, идеография, буквенное письмо)"¹. На первый взгляд, линейный характер письма, т.е. последовательное выстраивание письменных знаков и их сочетаний, просто отражает линейность звуковой речи, и поэтому носит безусловный, естественный характер. (Так считали и отцы современной лингвистики — Ф. де Соссюр, Р. Якобсон.) Однако именно более "внешний", "произвольный", "технический" характер письма в принципе позволяет ему выйти за рамки следования звуковой речи, использовать разнообразные, вновь открываемые возможности расположения смысловесущих элементов, преодолевать не только линейный, но и наглядно-геометрический характер их размещения.

Развиваясь в этом направлении, письмо не только будет способно по-прежнему обслуживать мышление, но сможет служить ему "напрямую", т.е. не в форме "оболочки" для непосредственно несущей мысль звуковой речи.

Ж. Деррида считает, что и древнейшие формы письма носили нелинейный характер (здесь он ссылается на исследователей первобытной культуры, прежде всего Леруа-Гуроца).

Древнейшее письмо ("мифограмма") было побеждено в конце концов линейным письмом как более "структурно-совместимым" с экономикой, техникой, идеологией эпохи цивилизации. В наше время, однако, имеются многочисленные симптомы того, что "линейность ослабляет свой гнет", поскольку уже не является столь же плодотворной. "Уже более века можно наблюдать некое беспокойство внутри философии, науки, литературы, революции, происходившие в этих сферах, можно интерпретировать как потрясения, постепенно разрушающие линейную модель"².

Современное мышление становится все более нелинейным, и это должно найти свое отражение в формах письма³. "То, с чем имеет дело современное мышление, не

¹ *Derrida J. De la Grammatologie. P., 1967. P. 127.*

² Там же. P. 130.

³ Одним из мощных потрясений для линейной модели стало возникновение в первой половине нашего века диалогического мировоззрения (М.М. Бахтин, а до него — М. Бубер), с его критикой

может быть представлено на письме линейно, в форме книги", — пишет Ж. Деррида⁴.

Деррида уверен, что в предстоящую эпоху нелинейное письмо станет реальным фактом культуры, лишив монополии линейный текст, книгу. Пока же он демонстрирует свое нелинейное мышление в непрерывной борьбе с формой книги. "Это не книга" — так начинает он одну из своих наиболее известных работ ("La dissemination"). А в докладе "Differance" говорится: "То, что я собираюсь предложить здесь, ... не будет протекать по дискурсивным линиям линейной последовательности оснований"⁵. Как показывает текст доклада, речь идет о "странствовании" в некотором смысловом пространстве, об игре переходов в нем. Но нелинейно движущаяся мысль все же фиксируется в линейном тексте. Вопреки замыслу — фиксировать движение, игру, странствование мысли — линейный текст доклада представляет его содержание как готовое, до произнесения и написания возникшее и искусно, изощренно выраженное.

Форма мышления входит в противоречие с формой письма. Поэтому в других случаях Деррида идет дальше: превращает текст в череду не имеющих внешней связи отрывков, наконец, помещает на плоскости страницы два или больше текстов параллельно. Всеми силами он пытается вырваться за рамки линейного текста, за пределы плоскости бумажного листа в многомерное текстовое пространство, в "текст без границ"⁶.

Собственно говоря, в такой многомерности предстает все множество уже созданных текстов: они ведь не выстроены в линейную последовательность и в то же время образуют нечто единое, пересекаются друг с другом, переходят друг в друга. Деррида показывает, что в совокупности текстов можно двигаться как в единой, непрерывной (но не гомогенной) среде. Внутри каждого из текстов он движется не в соответствии с прочерченным автором маршрутом, а "вдоль и поперек", выявляя цепочки "текстуальных событий", пересекая границы текстов, следуя "бесконечным отсылкам следов мысли друг к другу"⁷. И в этом случае ему приходится вновь и вновь силой мысли и воображения разрушать фактическую линейность и замкнутость реальных текстов.

Расходящиеся "во все стороны" от любого слова, выражения цепочки отсылающих друг к другу смысловых элементов демонстрируют реальное существование непрерывной, расширяющейся сети, образуемой этими элементами.

Только уникальное местоположение в топологической системе этих связей, только движение по этой сети придают каждому элементу—"означающему" его "означаемое", его смысл. И именно по причине открытости, незавершенности этой семантической системы в целом и каждого отдельного процесса движения в ней любой смысл оказывается незавершенным и открытым.

Внимание при таком взгляде перемещается с самих смысловых элементов на их связи, на переходы между ними, на движение в сети этих переходов.

Идея о том, что смысл, который несут материальные, физические объекты или состояния, находится не в них как таковых, а в переходах, в движении между ними, по мнению Деррида, наглядно демонстрируется компьютерами.

Однако компьютерная модель смыслообразующего процесса не удовлетворяет Деррида в том отношении, что цепочка переходов здесь выглядит конечной и замкнутой, соединяющей начальное, входное значение и конечное (ответ, решение задачи)⁸.

Деррида здесь исходит из общераспространенного до недавнего времени представления, что компьютеры предназначены давать ответы в рамках формально определенных задач.

Однако техническая среда компьютера, как показала практика последнего десяти-

монологизма линейного текста и вниманием к системе диалогических взаимосвязей (перекликания, спора), образующих тексты высказываний.

⁴ De la grammatologie. P. 130.

⁵ Derrida J. Differance. In: Margins of Philosophy. Chicago, 1982. P. 7.

⁶ La carte postale: de Socrate à Freud et au-delà. P., 1980. P. 441.

⁷ Derrida J. La dissemination. P., 1972. P. 51.

⁸ Harland R. Superstructuralism. L.a.N.Y., 1987. P. 148.

тилетия, может использоваться и по-другому: не для соединения цепочкой переходов, преобразований вопроса и ответа, задачи и решения, а для самой по себе записи, фиксации знаков, "следов", "означающих". Став инструментарием для письма, компьютер сначала обслуживал обычную, линейную форму письма. Вскоре, однако, оказалось, что он в той же мере способен поддерживать создание и прослеживание открытых, в принципе, бесконечных цепочек и сетей переходов между этими записями, между смыслонесущими элементами⁹.

Оказалось возможным любую запись в процессе письма погружать в сеть ее связей с другими записями, с другими "означающими", т.е. писать не подряд, выстраивая один смысловой ряд и отсекая остальные, а нелинейно, помещая смыслонесущие элементы в многомерном пространстве. С точки зрения компьютерной науки, речь здесь идет о "совершенно новом способе использования компьютеров"¹⁰. С культурологической точки зрения, речь идет о важном событии в истории культуры – возникновении нелинейного письма.

Возникновение нелинейного письма

По знаменательному совпадению в том же – 1967 – году, когда Деррида опубликовал книгу "О грамматологии", американцы Дуг Энгельбарт и Теодор Нельсон описали в своих статьях технику создания и чтения нелинейного, многомерного текста ("гипертекста", как назвал его Т. Нельсон) при помощи компьютера. Надо сказать, что общая идея гипертекста была высказана раньше, в 1945 г., в знаменитой статье Ваншевара Буша (советника президента Рузвельта по науке) – "Как мы могли бы мыслить"¹¹. Но только компьютер сделал эту идею практически осуществимой, больше того, осуществляемой на практике во все более широких масштабах.

Сразу скажем, что использование компьютера для целей нелинейного чтения и письма не привнесит в этот процесс никакой формализации и не подчинит пишущего и читающего какой-либо внешней схеме, какому-либо "механическому", машинному процессу. Смысл использования компьютера состоит в том, что он способен вывести текст за пределы геометрически организованного пространства, т.е. плоскости (страницы) и последовательно примыкающих друг к другу плоскостей (книги). Компьютер может поместить элементы текста в топологическое (сетевое) пространство. В этом пространстве от каждого смыслонесущего элемента текста можно перейти (для продолжения чтения) не к одному единственному, непосредственно следующему за ним, пространственно примыкающему к нему элементу, а ко многим другим элементам, которые по тем или иным основаниям могут быть сопоставлены с ним, поставлены с ним в связь. Для каждого из смыслонесущих элементов (фрагментов текста) указывается, к каким именно другим фрагментам можно перейти от него. Между смыслонесущими элементами, находящимися во взаимной связи, нет расстояний: любой из фрагментов текста, которые связаны (смежны) с данным фрагментом, которые в принципе могли бы читаться после него, могут быть предъявлены читателю мгновенно; в качестве смежных все они равноправны, равнодоступны.

⁹ Пока спорили о сущности компьютера, о его возможностях, его положительном и отрицательном влиянии, выяснилось, что он обладает природой Протея: он таков, каким мы готовы его воспринять. Это воплощение постиндустриальной техники: она делает практически все, что человек хочет, и вопрос только в том, чего хотеть.

Сейчас, наряду с технологиями, освобождающими человека от рутинных элементов умственного труда, но оставляющими его технически невооруженным в собственно творческой работе, существуют технологии нового типа, опосредующие и тем самым усиливающие "естественные", нерегламентированные процессы мышления.

Если мы хотим встраиваться в заданные схемы и парадигмы, тогда мы заложим эти схемы в компьютер, и он будет регулировать в соответствии с ними нашу интеллектуальную деятельность. Если же мы ориентированы на самостоятельное, творческое мышление, то будем пользоваться компьютером, например, для того, чтобы видеть внутреннюю структуру – как она есть – именно "этого", нашего, создаваемого нами интеллектуального результата.

¹⁰ Ван Тайл Ш. Совершенно новый подход к использованию компьютеров. // Электроника, 1990.

№ 4.

¹¹ Bush V. As we may think // Atlantic Monthly, 1945, V. 176. N 1.P. 101–108.

Таким образом, связь в гипертексте носит не просто смысловой характер; наличие связи означает здесь технически обеспеченную возможность перехода к соответствующему смыслопесущему элементу (текстовому фрагменту, фразе, слову), т.е. возможность вызвать его для прочтения. В процессе письма, осуществляя некоторую элементарную запись, человек вместе с тем указывает, с какими из уже имеющихся записей она найдется в связи; в соответствии с этим указанием компьютерная система впредь будет обеспечивать (если будет выражено такое желание) мгновенный переход от одной из связанных записей к другой. Перейти в процессе чтения к любому из фрагментов, связанных с читаемым в данный момент, не сложнее, чем перевернуть страницу книги.

Совершая переход от одного смыслопесущего элемента к другому, читатель реализует каждый раз одну из многих возможностей продолжения чтения. Он тем самым самостоятельно выстраивает траекторию своего движения в многомерном смысловом пространстве нелинейного текста. В "чистом" гипертексте нет иерархической структуры, нет фиксированного начала и конца; здесь нет и замкнутости, присущей обычному, линейному тексту. Сеть связей, о которой здесь идет речь, устанавливается не между элементами, частями изначально единой текстовой конструкции, а между текстами, записями, следами фиксации мысли как таковыми ("граммами").

Гипертекст принципиально открыт для добавления новых элементов. "Привязывание" их к уже имеющимся в гипертексте элементам не может как-либо нарушить, "испортить" его структуру. Добавление новых записей просто расширяет гипертекст как единую, непрерывную текстовую ткань; в нее могут включаться и элементы ранее созданных линейных текстов.

Итак, с появлением гипертекста появилась возможность, порвав с традицией, которая господствовала в течение нескольких тысячелетий, располагать смыслопесущие элементы текста не подряд, а в узлах невидимой глазом, расширяющейся в процессе письма сети. Эта возможность все шире осуществляется на практике: фирмы компьютерной отрасли — Эппл, ИБМ и многие другие стали выпускать специальное программное обеспечение, позволяющее использовать компьютеры для создания и чтения нелинейных текстов, и с каждым годом все больше людей читают и пишут нелинейно.

Функции линейного и нелинейного текста в культуре

Появление гипертекста подрывает монопольное положение книги в культуре.

Перенесение текста книги из бумажной среды в какую-то иную, представление его на фотопленке, в виде электронного текста, читаемого при помощи компьютера, наконец, в виде магнитофонной записи само по себе не меняет логическую структуру книги и ее функцию в культуре. Однако постепенно возраставшее многообразие технических средств записи и представления текста предвещало и готовило осуществившийся в конце концов перелом.

Книга — это способ донести, передать уже сформированное, предсуществующее содержание, возникшее до окончательного облачения в текст. Книга несет "уже конституированный смысл"¹².

В западной традиции, отмечает Ж. Деррида, "означаемое никогда не воспринимается как одновременное с означающим", оно всегда "чуть-чуть сдвинуто по отношению к нему", "отстоит от него на одно дыхание"¹³.

Предполагается, что означаемое существует "в его умопостигаемости до его опускания, до его выталкивания в посюстороннее чувственное внешнее"¹⁴. При создании линейного текста письмо, запись воспринимаются именно как "опускание смысла во внешнее". Соответственно, основная функция линейного текста понималась и понимается как представление, репрезентация уже существующего.

¹² De la grammatologie. P. 30

¹³ Там же. P. 26.

¹⁴ Там же. P. 25.

смысла. При этом речь идет о представлении смысла как единого, как некоего относительно завершенного целого. Книга представляет и оформляет свое содержание как нечто целое, замкнутое, "завернутое в переплет". Именно для этого содержание представляется в форме единой иерархической структуры. В этом и состоит глубинный смысл линейности. Ведь наиболее полная иерархизация осуществляется именно при линейном упорядочении, когда каждый элемент занимает единственное, строго определенное место – после чего-то, перед чем-то.

Иерархическая выстроенность, последовательность смысловесущих элементов текста ориентирует на восприятие его содержания как единого организованного целого, отсекая, не впуская в текст все ответвления мысли, все возможные траектории ее движения, которые не вписываются в эту организованность.

Вся внутренняя организация книги ориентирована на то, чтобы читатель как можно раньше осознал структуру, логическую схему передаваемого содержания и на этой основе, сквозь эту призму воспринимал бы его как целое во всей конкретности. Функционирование книги в культуре выработало установку на восприятие содержания в ней смысла как полного, гомогенного, развертывающегося последовательно и непрерывно.

Конечно, если разрушить эту установку, то "обнажится поверхность текста"¹⁵. Проникнув сквозь нее в микроструктуру текста, мы всегда обнаружим в ней лакуны, зияния, разрывы, вообще, отсутствие смысла там, где логическая форма развертывания предполагает его присутствие. Мы обнаружим также маргинальные смыслы – с точки зрения доминирующей в книге логики, – которые тем не менее присутствуют в тексте и вступают в конфликт с "центральными" смыслами.

Введенный Деррида метод "деконструкции" как раз и призван вскрывать то, что камуфлирует и подавляет линейная организация текста: как маскируемое отсутствие смысловых звеньев, так и, напротив, присутствие в тексте того содержания, которое оттеснялось, подавлялось, заглушевывалось ради стройности представления "основной", "центральной" мысли.

И это не недостаток тех или иных конкретных авторов: с точки зрения норм, функций, задач линейного текста изложение может быть оптимальным, в качестве линейного текста текстовое произведение может быть совершенным.

Деконструкция вскрывает ограниченность линейного текста как такового, текста, репрезентирующего некоторую "основную мысль". Этот текст стремится подчинить мыслительную и текстовую реальность линейной схеме, а она, эта реальность, не вписывается в нее.

В этом свете становится понятной роль, функция нелинейного письма: дать возможность мысли проявиться и зафиксироваться без подчинения целям репрезентации, без отсечения того, что может "испортить" линейную структуру, не вписаться в нее.

Нелинейное письмо, размыкая одномерность текста, дает простор движению мысли, дает возможность двигаться по разным направлениям, совершать переходы в другие измерения.

Исследователи гипертекста осознавали, что открытый ими способ отображения отражает реальные процессы мышления в ходе создания новых идей. "Процесс мышления не создает новые идеи сразу из ничего, выдавая идею как готовый шедевр. Скорее, мышление – это движение одновременно на нескольких фронтах, разработка идей и отбрасывание их на различных уровнях, на разных параллельно идущих процессах их разработки, при этом каждая идея зависит от других идей и сама влияет на них"¹⁶.

Этот процесс не подчинен какой-либо структурной, иерархической схеме, и в этом смысле его можно назвать игрой.

Но мысль, фиксируемая в нелинейном тексте, движется, однако, не в пустоте, а в созданном культурой смысловом пространстве, расширяемом и обогащаемом этой мыслью. Поэтому "странствование", "брожение" мысли, оставляющее след в нелинейном письме, не является бессмысленно-хаотическим, произвольным. Это "брожение" может быть весьма плодотворным, оно может создавать новые смысловые эффекты, относительно целостные образования.

¹⁵ Там же. Р. 31.

¹⁶ Conklin J. Hypertext: An Introduction and Survey // Computer. 1987. N 9. P. 20.

То, что Деррида обозначает неологизмом (точнее, неографизмом) *differance*, в значительной степени характеризует такой смыслопорождающий процесс нелинейного мышления.

"*Differance* – это та игра, то движение, которое "производит" посредством чего-то, что нельзя считать просто "деятельностью", в качестве эффектов (новые) различия"¹⁷.

Деррида склонен считать смыслопорождающие процессы "игрой" самого текстового пространства, отрицая креативную роль индивидов, авторов и читателей. Но в эту сторону мы за ним не последуем. Мы рассматриваем нелинейное письмо прежде всего с инструментальной позиции – как средство поддержки и интенсификации мышления индивидов, создающих новые тексты, – авторов. Речь идет прежде всего о поддержке той специфической мыслительной деятельности, которая, не предопределяя, какие именно языковые, смысловые элементы вовлекаются в процесс мышления, выявляет высокосвязные целостные топологические структуры этих элементов, благодаря этой целостности отделимые от авторов и способные жить в культуре самостоятельную жизнь.

Линеаризация нелинейного текста

Зафиксированная средствами нелинейного письма система, сеть связей между смысловыми элементами может не просто отражать процесс свободного странствования мысли, но и иметь ценность как продукт, результат мышления. Это возможно, если элементы нелинейного текста, отсылая – посредством зафиксированных в нем связей – друг к другу, придадут друг другу – и тем самым образуемой ими системе – достаточно высокую смысловую определенность, если система смысловых переходов будет обладать высокой степенью связности, а тем самым – смыслового единства, целостности.

Мышление, изначально ориентированное на фиксацию результата в форме линейного текста, все время осознает свой предмет, основную мысль. Оно развивает эту мысль, стремясь оставаться ей верным, не уходит от нее куда-то в сторону, и тем самым обеспечивает целостность, единство вырабатываемого содержания.

Нелинейное мышление, ориентированное на нелинейную форму фиксации в своем свободном движении также может образовать смысловую целостность, высокосвязное смысловое единство, хотя содержание этого смыслового образования изначально никак не было определено.

Поскольку этот новый смысл осознается как сформировавшийся, конституированный, человек может по отношению к нему применить традиционную, освященную веками практику его представления, репрезентации как целостного, относительно завершенного: в форме линейного текста.

Практика нелинейного письма показывает: фиксируя в течение какого-то времени содержание своего мышления в нелинейном тексте, люди в какой-то момент ставят задачу линеаризовать его, представить как линейную последовательность образующих его элементов.

Ясно, что создание линейного текста путем линеаризации нелинейного – качественно новая форма интеллектуальной деятельности по сравнению с традиционным изложением мысли в тексте.

Содержание, которое должно быть представлено в линейном тексте, присутствует в данном случае не как умопостигаемое, доступное лишь мысленному взору: это содержание уже зафиксировано, вынесено вовне, внешне.

Оно уже дано как присутствующее, со всеми своими зафиксированными связями, и задача линеаризации состоит в том, чтобы представить его содержание как последовательно возникающее, развертывающееся. Другими словами, задача линеаризации нелинейного текста, состоит в нахождении некоторой траектории, некоторого порядка движения в топологическом пространстве нелинейного текста. При этом в качестве отправного пункта, логического начала может быть принята любая из записанных мыслей. Заранее не известно, что является истинным логическим началом, и это побуждает того, кто линеаризует нелинейный текст, к

¹⁷ *Derrida J. Differance. In: Margins of Philosophy. P. 11.*

"экспериментам", к выбору в качестве начала то одной, то другой мысли, к выстраиванию различных цепочек переходов.

В конечном счете порядок изложения содержания в линейном тексте будет определяться и прагматическими, и стилистико-композиционными соображениями; но эти соображения будут применяться по отношению к материалу, который в своей основе организован как некоторая целостность.

При линейном выстраивании следы мысли надо расположить в соответствии с определенными логическими требованиями, определенной логической нормой.

Независимо от того, в каком порядке возникали мысли в процессе нелинейного мышления, какую "конфигурацию" они образовали, при линейаризации содержание должно быть представлено как возникающее в определенной логической последовательности.

Как известно, проблематика линейного "развертывания" моментов мысли, изначально образующих единое, целостное содержание, — предмет специального внимания и исследования в логике Гегеля.

Как подчеркивал В.С. Библер, в этой логике "последовательное движение мысли ("логическая траектория") находит свое необходимое дополнение в "топологическом единстве" (связи) всех [ее] определений, категорий, понятий... "Прочтение" этих связей необходимо последовательно... Но когда "чтение" закончено, тогда есть лишь единая и неизменная ... логическая действительность"¹⁸.

Линейаризация нелинейного текста предполагает, что имеется (созданное свободным, творческим, нелинейным мышлением) понятийная, смысловая система, характеризующаяся "топологическим единством", связью образующих ее понятий; задача состоит в том, чтобы "прочитать" эту систему понятий в определенной последовательности. Логика Гегеля не содержит операциональных правил и процедур перехода от топологической структуры смысловых элементов к линейно развертывающейся. Но она в определенной степени подсказывает эти правила, эвристически подводит к ним.

Практика нелинейного письма уже вышла на рубежи "самопорождения" линейного текста из нелинейного. Создаются компьютерные системы, способные выстраивать смыслоносущие элементы, представленные в узлах гипертекстовой сети, в логически упорядоченной смысловой последовательности.

Эти компьютерные системы стремятся выстроить записываемые человеком мысли в такой последовательности, которая представляет собой возможно более логичное, целостное, связанное рассуждение. Система опирается при этом на отраженные в ее алгоритмах логические нормы теоретического мышления. В частности, принимается, что в целостном рассуждении очередное его звено должно быть связано не только с непосредственно предшествующим звеном, но и с более ранними звеньями.

Учитывается также, что чем ближе какое-либо звено рассуждения к его наиболее общим основаниям, к его логическому началу, тем больше у него смысловых связей; и напротив, у мыслей, носящих частный характер, характер подробностей, примеров связей меньше. Поэтому в рассуждении, полно, эксплицитно представляющем целостный теоретический результат, "многосвязные" звенья (суждения, положения) предшествуют "малосвязным"¹⁹.

Вообще эта компьютерная технология исходит из того, что при линейном выстраивании мыслей в единое содержательное рассуждение должны учитываться те их характеристики, которые они имеют как узлы в сети смысловых связей.

При этом человеку дается также возможность модифицировать алгоритмы в соответствии со своими представлениями о логике теоретического мышления.

Этот необычный феномен самопорождения текстов, последовательно развертывающих некоторое содержание, некоторую основную мысль, заслуживает философского осмысления.

На наш взгляд, речь при этом идет о воспроизведении, воплощении в компью-

¹⁸ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 389, 394.

¹⁹ Субботин М.М. Использование ЭВМ при построении содержательных рассуждений. // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1986. № 11. С. 1-7.

терных алгоритмах и программах некоторой достаточно универсальной логической нормы. Эта норма в общем и целом соответствует сложившимся представлениям о последовательно развертывающемся содержании и позволяет воспринимать наличие логической последовательности в технически порожденном тексте. Однако именно потому, что речь идет о некоторой общей норме, индивид может и должен отделять себя от нее, вступать с ней в диалог.

Собственно говоря, строя линейный текст обычным способом, на бумаге, мы тоже руководствуемся – как правило, неосознанно – некоторыми нормами логичности, последовательности, связности, согласуемости идей и положений и т.п. Но в этом случае имеет место синкретизм, нерасчлененность неосознанно принимаемой индивидом всеобщей нормы и особенностей его индивидуального мышления...

Ж. Деррида хорошо показал это при анализе текстов Руссо.

Игра имплицитно действующих и определяющих логику окончательного текста норм "так сложна, что было бы более, чем неразумным, хотеть удостовериться в том, что остается индивидуального в тексте, например, в тексте Руссо"²⁰.

В случае автоматической линеаризации человек имеет дело с явно, эксплицитно действующей нормой и может осознанно вступать с ней в диалог, не соглашаясь с ее способом логической организации содержания.

В принципе индивидуальные особенности мышления, в частности, особенности выстраивания содержания, приобретая относительно постоянный характер, закрепляясь, также могут найти отражение в правилах линеаризации. Подобно тому, как записанная мысль приобретает самостоятельность (ее автор может с ней не соглашаться, спорить с ней), так может отделиться от автора, стать чем-то самостоятельным и его собственная манера мышления.

Содержание, продуцированное нелинейным мышлением и зафиксированное в нелинейном тексте, может быть представлено как логично, последовательно развертывающееся только в том случае, если оно действительно обладает высокой степенью целостности, внутреннего единства. Процедура линеаризации, стремясь выстроить элементы содержания последовательно, на практике все время сталкивается с невозможностью это сделать: обычно какие-то элементы объединяются в достаточно цельные линейные построения, но между ними отсутствуют соединительные звенья.

Двигаясь в системе мыслей по цепочкам смысловых переходов, автор на практике постоянно сталкивается с тем, что эти цепочки обрываются, что не удается выстроить единую магистральную линию развития содержания, в которой каждая мысль опиралась бы не только на непосредственно предшествующую, но и на более ранние, на все предшествующее содержание в целом.

Обнаруживая эти разрывы, линеаризация позволяет увидеть реальную проработанность содержания, реально достигнутую степень его целостности, всегда присутствующую в создаваемом интеллектуальном продукте фрагментарность, разорванность, несогласуемость выдвигаемых идей и положений и т.п.

"Интеллектуальная честность" мышления состоит в том, чтобы осознавать свой результат в его реальной – на данный момент – нецелостности, со всеми его лакунами, несоответствиями, противоречиями. Важно не сглаживать искусственно эту фрагментарность, не отбрасывать неясное или несогласующееся с остальным, а иметь и удержать в сознании реальную сложную картину состояния предмета с точки зрения взаимосвязанности элементов его содержания²¹.

²⁰ De la grammatologie. P. 350.

²¹ Проблема представления результата мышления как некоторой выстроенной системы связей вновь и по-новому привлекает внимание к категории "структура". Речь идет теперь уже не о той структуре, которая фиксирует общее, тождественное, закономерное, парадигматическое в массе конкретных проявлений. Короче говоря, речь идет не о структуре как категории структурализма. Внимание теперь все больше концентрируется на индивидуальной, "этой" системе связей. Не случайно все чаще научные, теоретические произведения сопоставляются с художественными (особенно литературными), структура, "архитектоника" которых давно уже являются предметом внимания. "Теперь, когда сама наука начинает строиться на манер искусства... философская система начинает пониматься как философское произведение," – пишет В.С. Библер и продолжает: "...Логическая (sic!) форма произведения в его скрепах и узлах, вызывает особое внимание..." Результат мышления (теоретического, спекулятивного, философского) – "целостное мегапонятие",

Линеаризация нелинейно записанного содержания создает опору для такой установки мышления.

Таким образом линеаризация может рассматриваться как "проверка на целостность", как выявление степени единства того смыслового образования, которое возникло как продукт нелинейного мышления. В этом случае линеаризация оказывается одним из "моментов" единого мыслительного процесса, ориентированного в конечном счете на создание никак заранее по содержанию не определенных, но целостных мыслительных продуктов, способных в силу этого сохраняться и жить в культуре.

Нелинейное и линейное письмо фиксируют две стороны, два полюса и две основные стадии такого мышления.

Письмо и техника

Следы мысли, представленные в письме, обретают способность к самостоятельной жизни. Эта самостоятельность проявляется не только в том, что письмо "действует" в отсутствие автора; главное в том, что, отделившись от автора, оно уже не совпадает "по содержанию" с тем, что автор в него вкладывал. Не только другие читатели, но и сам автор может вступать с ним в диалог, "вычитывать" из него что-то, что не осознавалось в момент написания, спорить или соотноситься с написанным, порождая при этом новое содержание.

Поскольку содержание вовлекается в мыслительный диалог как вынесенное вовне, а не как глубоко-внутреннее (во внутреннем монологе человек "понимает себя" полностью и без остатка, не рассматривает содержание "со стороны"), постольку происходит повышение общего потенциала мышления, интенсификация мыслительного процесса.

Чем больше содержание "овнешнено", тем в большей степени оно обладает самостоятельной жизнью, тем больше оно может проявляться как источник и импульс для новых процессов смыслопорождения. Возникновение письменности, придание ей все более эксплицитного смыслодифференцирующего характера, ее повсеместное распространение – свидетельства того, что в ходе истории овнешнение содержания приобретает все более интенсивный и всеобщий характер. Этой тенденции соответствует усиление роли техники в процессах письма и чтения. "В определенном аспекте вопрос о смысле и происхождении письма предшествует или, по крайней мере, сливается с вопросом о смысле и происхождении техники", – пишет Ж. Деррида²².

Техника дает возможность фиксировать следы мысли все более полно, эксплицитно и все более "внешним" образом, т.е. увеличивая сферу функционирования письма вне и независимо от автора.

Но прежде всего она делает для автора процесс овнешнения более легким и тем самым побуждает к более раннему вынесению содержания вовне, к вынесению вовне того, что еще не сформировалось как готовое, конституированное содержание, способное выразиться в линейном тексте.

Невозможно представить себе, чтобы крупные произведения философской, научной и художественной прозы Нового времени могли быть созданы без вынесения вовне, на бумагу (в "черновик") промежуточных результатов мышления.

Сложная техническая среда, делающая возможным нелинейное письмо и чтение, оказывается условием дальнейшего движения по пути вынесения вовне еще не конституированного окончательно содержания.

В этой сложной среде, где знаки постоянно преобразуются, перекодируются, они

состоящее из узловых линии тесно скрепленных между собой суждений и умозаключений" (Вопросы философии. 1991. № 6, с. 43, 17). На первый взгляд, постструктурализм, концентрируя внимание не на завершенности, замкнутости, целостности смыслового материала, а, напротив, на том, что не дает ему возможности стать "структурой", противоречит такой ориентации. Однако для мышления, ориентированного на идеал целостности, нет ничего важнее, чем видеть в своем фактическом результате лакуны и разрывы, и в этом свете постструктуралистское движение содержит в себе серьезное конструктивное начало.

²² De la grammatologie. P. 18.

приобретают и дополнительную способность выстраиваться перед автором в ином порядке, чем тот, в котором он их расположил первоначально. Записанное начинает самоизменяться, варьироваться и предъявляться человеку как результат действия отделившихся от него норм мышления и культуры, с которым теперь соотносится его живое, актуальное мышление. И это, видимо, только начало процесса, в ходе которого тексты приобретают свойство самоизменения, организуясь по законам внутренней связности, целостности.

Давая возможность индивиду проверять, оценивать достигаемую степень целостности содержания, техника нелинейного письма, шире – техника, опосредующая мышление, в какой-то степени принимает на себя ту роль, которую играли и еще играют традиционные регулятивы, обеспечивающие целостность и общезначимость продуктов мышления: "предметы", "парадигмы", магистральные течения мысли.

Куда ведет это развитие? Проявляется ли здесь опасное действие письма, его внутренняя "ядовитость", о которой предупреждал Платон? Происходит ли при этом уход от человеческой сущности, подлинной духовности? Если считать, что человек ближе к своей сущности в своих "истоках", в "изначальном", в "естественном", природном, то, конечно, происходит отход от этой сущности, и вполне уместен "апокалиптический топ" по этому поводу. Но существует и другой взгляд – его как раз и представляет Ж. Деррида, согласно которому именно более позднее, последующее (supplement) – а не начальное, не истоки – является более "истинным", "подлинным", "сущностным". Человек проявляет свою сущность, все более опосредуя свое сознание, свое мышление через внешнее, через технику.

Нелинейное письмо поддерживает и стимулирует те тенденции современного мышления, те его особенности, которые выявляются и акцентируются мыслителями постструктурализма. При этом способе мышления оно "отправляется в далекие, полные приключений разведывательные экспедиции, в которых нет безопасности, нет цели, есть только желание зайти в этом процессе мышления как можно дальше и наблюдать за тем, что при этом происходит"²³. Часто говорят о "номадизме" этого мышления, о его уходе с магистральных направлений научной и социально-философской мысли ("больших нарративов", по выражению Лиотара). Его внимание переместилось от центрального к маргинальному, от тождества к различию, от общего к индивидуальному, наконец, от нормативного, "принятого", "должного" к такому, каково оно (некоторое содержание) есть в своем реальном, конкретном проявлении.

Одни ощущают происходящий перелом как процесс разложения, который пытаются задержать, опираясь на традиционные формы духовности²⁴. Другие считают, что это неостановимый процесс, который нельзя задержать, а можно лишь "подстегивать" (Ж. Бодрийар). Но можно видеть и другое: создаются условия – и нелинейное письмо здесь одна из важных составляющих – для качественно иных, но, возможно, более глубоких, творческих форм духовного проявления человека.

²³ *Altwegg J., Schmidt A. Französische Denker der Gegenwart. 1987. P. 8.*

²⁴ Постмодернизм освобождает "многообразие культурной активности от связанности единым началом – от сакрализации единого", – пишет А.К. Якимович. Тем самым он "освобождает и силы распада" (Тоталитаризм и независимая культура // Вопросы философии, 1991. № 11. С. 25).